

Последние революции? Революционная дисфункция и конец модерна

Михаил Минаков ¹

***Аннотация:** Почему в XXI веке миллионы людей по-прежнему выходят на площади с революционными лозунгами, но все их усилия заканчиваются возвращением к статус-кво? Автор исследует парадокс современности: от арабской весны до белорусских протестов массовые движения демонстрируют невиданный размах, но утрачивают способность менять реальность. Автор прослеживает эволюцию революционного воображения от географических утопий Томаса Мора до временных утопий Маркса и приходит к неожиданному выводу: мы живем в эпоху «революционной дисфункции», когда старые механизмы политических трансформаций перестали работать. Анализируя провалы цветных революций и крах великих идеологических проектов, автор ставит вопрос о том, не являемся ли мы свидетелями конца самого модерна как исторической эпохи. Эссе предлагает захватывающее путешествие через историю утопий и революций к пониманию того исторического «интервала», в котором мы оказались сегодня.*

***Ключевые слова:** революция, модерн, утопия, политическая трансформация, дисфункция,*

Мы находимся в странной точке истории — как путешественники, которые долго шли к цели, но вдруг поняли, что карта устарела, а компас показывает не туда. По всему миру протестующие массы по-прежнему собираются на площадях, воодушевленные видениями свободы и справедливости. От киевского Майдана до каирской Тахрир, от ереванских бульваров до минских улиц протестующие ставят палатки в протестных городках, скандируют с жаром пророков и рисуют альтернативное будущее. Но когда пыль оседает, знакомые паттерны неподконтрольной власти и социально-политического неравенства восстанавливаются с удивительным постоянством — словно по невидимому, но нерушимому сценарию. Правительства шатаются, но выживают. Режимы падают лишь для того, чтобы их заменили идентичные наследники. Общества перестраиваются лишь в воображении СМИ партий-победителей, оставаясь на

¹ Михаил Анатольевич Минаков — д. филос. н., гостевой профессор Европейского университета Виадрины и профессор Свободного университета. Научные интересы: онтология, политическая философия, история западной философии. Долгое время работал и преподавал в Киево-Могилянской академии. Информация о книгах и статьях М. А. Минакова находится на авторском сайте: <https://www.minakovphilosophy.com/>.

самом деле неизменно ущербно неизменными, как будто сама история стала неохотно принимать подлинную трансформацию.

Этот парадокс — неизменная привлекательность революционного пыла в сочетании с новообретенным отсутствием революционных изменений — указывает на симптом нашего времени, который можно назвать «революционной дисфункцией». Это феномен бросает вызов нашему пониманию политической трансформации как таковой и позволяет предположить, что мы, возможно, являемся свидетелями не просто неудачи отдельных движений, а *истощения революции*, бывшей некогда главным двигателем перемен в эпоху модерна. Последствия этой дисфункции сложно переоценить: если революции больше не обладают способностью переводить утопическое воображение в новые социальные порядки, мы действительно можем приближаться к концу самого модерна, а может и к концу прогресса.

Эволюция утопического воображения

Чтобы понять наше нынешнее затруднительное положение, сначала нужно проследить эволюцию утопического мышления от его истоков до нынешнего кризиса. Феномен утопии предшествует модерну на тысячелетия: например, античность изобиловала рассказами о золотых веках и утерянных раях. Однако они оставались в основном литературными конструкциями, историями, которые рассказывали, а не программами, которые воплощали. Только с приходом модерна утопическое воображение стало тем, что можно назвать «производительной силой» — чем-то способным мобилизовать массы и изменить реальность.

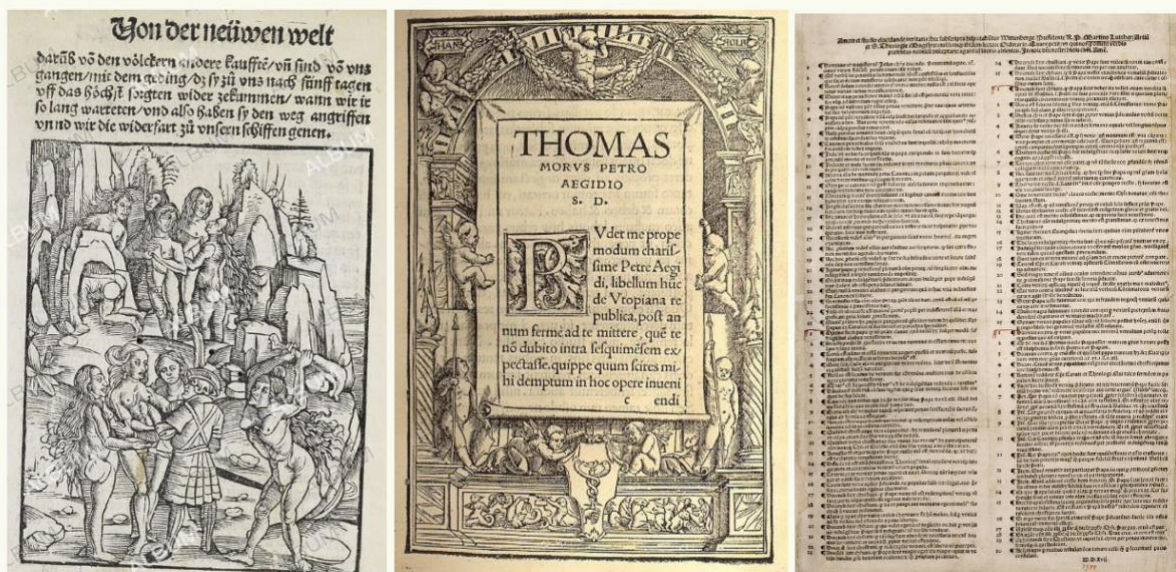
Трансформация обществ и культур в терминах модерна началась, как отмечает Дэвид Харви,² с пространственного представления о лучших альтернативах — с географических утопий. Этот заход европейцев на решающий исторический перекресток произошел, когда поломка традиционного общества открыла индивидам и сообществам возможность воплощения мечтаний в проектируемую реальность.³ Это случилось в связи с появлением важной, будоражащей умы и тела книги. «Утопия» Томаса Мора появилась в 1516 году, расположившись между умопомрачительными отчетами Америго Веспуччи о Новом Свете (1503–4) и революционными тезисами Мартина Лютера (1517), несущими свет религиозной реформы.⁴ Шестнадцатый век, таким образом, породил утопию в географических терминах — «счастливое место», которое может существовать за далекими морями, ожидая быть

² Harvey, D. (2000). *Spaces of hope*. University of California Press, p. 3–4.

³ Минаков, М. (2019). *Диалектика современности в Восточной Европе*. Киев: Лаурис, с. 23–33.

⁴ Vespucci, A. (1503-1504/1992). *Letters from a new world: Amerigo Vespucci's discovery of America*. Marsilio Publishers; More, T. (1516/2002). *Utopia*. Cambridge University Press; Luther, M. (1517/1957). *The ninety-five theses*. In *Luther's works* (Vol. 31, pp. 25-33). Fortress Press.

открытым. Лучшая альтернатива неприглядной реальности располагалась в пространстве — в Новом Мире по соседству на нашей планете.

Эта пространственная концепция утопии оказалась удивительно прочной и политически мощной. Европейская колонизация Дальнего Запада обеих Америк часто оправдывалась утопическим аргументом: новые миры станут лабораториями для новых — лучших, более справедливых и толерантных — форм социальной организации. Например, североамериканский эксперимент открыто опирался на утопическое воображение, обещая не просто независимость, но «город на холме» — новую форму человеческого сообщества. Даже провалившиеся колонии вроде Роанока или катастрофические столкновения в Месоамерике, подобные тем, что описал Бартоломе де лас Касас, рассматривались сквозь утопическую призму — либо как временные неудачи на пути к раю, либо как доказательство того, что рай для пришельцев требует устранения некоторых местных препятствий.⁵

К началу девятнадцатого века, однако, география обрела пределы, закрыв «белые пятна» своих карт, и утопическое воображение претерпело решающую трансформацию. Из пространства утопия перекочевала в историю. Философия истории Гегеля⁶ и материалистическая диалектика Маркса уже работают с утопиями времени. «Счастливые края» уступили место «счастливым временем» — будущим состоянием, к которому история неумолимо двигалась, даря людям лучшие времена. Эта темпорализация утопии оказалась еще более революционной, чем ее пространственная предшественница. Если

⁵ de las Casas, B. (1552/1992). *A short account of the destruction of the Indies*. Penguin Classics.

⁶ См.: Hegel, G. W. F. (1821/1991). *Elements of the philosophy of right*. Cambridge University Press.

географические утопии требовали физического перемещения одних сообществ (и выдавливания или уничтожения других), то временные утопии могли быть достигнуты через политическую трансформацию в рамках существующих территориальных сообществ. Нужны были не пилигримы, а революционеры.

Видение коммунистического общества Маркса и Энгельса иллюстрирует эту временную утопию: состояние изобилия, в котором классовый конфликт растворится, государство отомрет, а человечество достигнет подлинной свободы и самореализации без самоотчуждения. Принципиально важно, что это представлялось не как принятие желаемого за действительное, а как научное предсказание. Законы исторического развития, утверждал Маркс, делают коммунистическую революцию неизбежной. Утопия, таким образом, стала не просто желательной, но необходимой — предопределенным результатом историко-диалектических процессов, уже идущих полным ходом.⁷

Ханна Арендт ввела третье измерение в утопическую темпоральность: революцию как «кайрос», момент, беременный возможностью подлинной трансформации. В отличие от хронологического времени («хронос»), которое течет равномерно вперед, «кайрос» представляет качественное время события — моменты, когда подлинная новизна становится возможной, когда общества могут посадить семена, способные вырасти в беспрецедентные формы политической жизни.⁸ Прозрение Арендт заключалось в том, что сущность революции лежала не в достижении предопределенных политических результатов, а в создании условий для радикально новых начинаний, чья окончательная траектория оставалась открытой для творчества людей.

Эти три формулировки — пространственная, историческая и кайросная — сформировали великие потрясения модерна. Французская революция опиралась на все три: она обещала создать новую единую Францию (пространственная трансформация традиционно разделенного королевства), ввести новую эпоху человеческой истории (временная трансформация) и схватить уникальный момент возможности (кайросная трансформация). Похожие паттерны характеризовали последующие революции от «Весны народов» 1848 года через Русскую революцию 1917 года до антиколониальных движений второй половины двадцатого века.

⁷ См., например: Marx, K., & Engels, F. (1845/1846). Die deutsche Ideologie. In *Marx-Engels Werke* (Bd. 3). Berlin: Dietz Verlag; Marx, K. (1852/1978). The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In R. C. Tucker (Ed.), *The Marx-Engels reader* (2nd ed., pp. 594-617). Norton; Marx, K., & Engels, F. (1848/1978). Manifesto of the Communist Party. In R. C. Tucker (Ed.), *The Marx-Engels reader* (2nd ed., pp. 469-500). Norton.

⁸ Arendt, H. (1963). *On revolution*. Viking Press. Также см.: Arendt, H. (1951/1973). *The origins of totalitarianism*. Harcourt Brace Jovanovich.

Революционная типология

Если мы понимаем революции как события, где социальное воображение и политическое творчество пересекаются наиболее интенсивно, они исторически проявлялись в трех различных формах, каждая из которых характеризуется различными временными ориентациями и утопическим содержанием.

«Прогрессивные революции» воплощают просвещенческую веру в новизну и улучшение через прогресс. Они черпают свою энергию из убеждения, что человеческий разум и воля могут построить превосходные формы социальной организации в будущем. Французская революция служит парадигматическим примером: ее лидеры явно отвергали традиционную власть, провозгласили Права Человека и Гражданина и пытались перестроить общество согласно рациональным принципам. Большевицкая революция взыскала подлинного социально-прогрессивного изменения — обещания общества, организованного вокруг человеческих потребностей, а не капитала, где обычные люди будут осуществлять прямую политическую власть в советах.

Прогрессивные революции обычно демонстрируют определенные характерные черты: они апеллируют к универсальным принципам (свобода, равенство, братство), стремятся решительно порвать с прошлым и вырваться в будущее, устанавливая новые институты, призванные воплотить их принципы, и порождают новые формы политической субъективности. Граждане революционной Франции были не просто подданными с расширенными правами, но фундаментально новыми типами политических акторов, от которых ожидалось активное участие в управлении и подчинение частных интересов общей воле.

«Консервативные революции» черпают свое утопическое содержание из утопического прошлого, а не из воображаемого будущего. Они обещают не создать что-то беспрецедентное, а восстановить что-то якобы утерянное — расовую чистоту, религиозную ортодоксальность, национальное величие, традиционные гендерные роли или органическое сообщество. Нацистская революция иллюстрирует этот тип: она обещала восстановить Германию до ее предполагаемого средневекового величия, воскресить мифическое арийское сообщество и обратить вспять якобы разлагающие эффекты модерна, демократии и космополитической культуры.

Консервативные революции часто оказываются парадоксальными: они используют современные методы (массовая пропаганда, технологическая война, бюрократическое управление) для достижения якобы домодерных целей. Они создают новые институты, утверждая, что восстанавливают старые, порождают новые формы политического сознания, настаивая, что просто восстанавливают вечные истины, и мобилизуют массы через апелляции к изначальным лояльностям, которые часто являются вполне недавними изобретениями. Но утопия прошлого всегда питает их энергией трансформации.

«Инвертированные революции» представляют, возможно, самую озадачивающую категорию. Эти движения начинают с одной временной ориентации, но заканчивают другой, или комбинируют прогрессивные и консервативные элементы в нестабильных синтезах. Иранская революция 1979 года дает ясный пример: она началась как широкомасштабное движение против авторитарной монархии, привлекая в ряды революционеров либералов, левых и исламистов, объединенных в оппозиции к шаху. Однако она завершилась установлением теократического режима, который комбинировал современную революционную организацию с претензиями на укорененность в историю религиозной власти.

События 1968 года в Западной Европе и Северной Америке также демонстрируют инвертированные характеристики. Они начались с явно прогрессивных устремлений — большей демократии, сексуального освобождения, оппозиции к империалистическим войнам — но часто заканчивались консервативной реакцией или аполитичным отступлением в реальполитик. Многие участники в итоге приняли именно тот потребительский капитализм, который первоначально отвергали, в то время как их вызов традиционной власти способствовал подъему неолиберализма, а не демократического социализма.

Дисфункция современных революций

Двадцать первый век стал свидетелем множества революционных моментов, однако ни один из них не достиг трансформационного воздействия своих исторических предшественников. Эту неудачу нельзя приписать недостатку народной мобилизации или недостаточному утопическому вдохновению. Современные движения часто превосходили исторические прецеденты по своему охвату и интенсивности. Протесты 2020 года в Беларуси собрали людей больше, чем любая предыдущая политическая мобилизация в истории страны. Арабская весна вовлекла миллионы в нескольких странах одновременно. Различные «цветные революции» в постсоветских государствах продемонстрировали замечательную организационную сложность, вовлечение масс и стратегическую координацию.

Однако, несмотря на обладание всеми элементами, которые Чарльз Тилли определил как необходимые для революционной трансформации — множественные центры власти, разрушение государственной монополии на насилие, возникновение альтернативных программ политического переустройства — эти движения последовательно терпели неудачу в достижении продолжительных изменений.⁹ Паттерн стал удручающе знакомым: первоначальный энтузиазм и массовая мобилизация, за которыми

⁹ Tilly, C. (1978). *From mobilization to revolution*. Addison-Wesley.

следует либо жестокое подавление, либо кооптация революционных лидеров существующими элитами, либо постепенное растворение в пассивном населении, когда участники теряют надежду и возвращаются к частной жизни.

Арабская весна иллюстрирует эту дисфункцию наиболее ясно. Начавшись с самосожжения Мохамеда Буазизи в Тунисе, революционное движение распространилось по Ближнему Востоку и Северной Африке с беспрецедентной скоростью, свергнув долговременные диктатуры в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Однако десятилетие спустя результаты в основном разочаровывающие. Тунис кратко достиг демократического перехода, но с тех пор вернулся к авторитарному правлению. Египет пережил краткую демократическую интерлюдия перед тем, как военный переворот восстановил диктатуру под новым управлением. Ливия и Йемен погрузились в бесконечные разрушительные гражданские войны. Недавняя смена режима в Сирии — достигнутая через военную победу, а не народную революцию — предлагает гиперконсервативную трансформацию на месте секулярной диктатуры.¹⁰

Этот же паттерн сохраняется в других регионах. Оранжевая революция 2004 года на Украине не смогла предотвратить возвращение той же коррумпированной элиты, которую первоначально сместила. Евромайдан 2014 года переориентировал страну в геополитическом смысле, без отмены патрональной политики. И все это совпало с российским военным вмешательством и необходимостью внешней поддержки Запада. Едва ли это та трансформация, которую предусматривает революционная теория. Также Революция роз в Грузии и Тюльпановая революция в Кыргызстане произвели похожие результаты: были драматические моменты кратковременного изменения, за которыми последовало восстановление знакомых паттернов под новым руководством.

Также и консервативные революционные движения боролись за достижение революционной трансформации. Попытка Исламского государства восстановить Халифат захватила глобальное внимание. Игил контролировал значительную территорию в течение нескольких лет, однако в конечном счете рухнул под военным давлением коалиции. Его неудача показывает, что даже реакционные утопии не могут легко преодолеть возникшие исторические препятствия, стоящие перед современными революционными движениями.

¹⁰ См.: Anderson, L. (2011). *Demystifying the Arab spring: Parsing the differences between Tunisia, Egypt, and Libya*. *Foreign Affairs*, 90(3), 2-7. Также см. исследования, опубликованные в журнале «Идеология и политика» в 2021 году: Issaev, L. & Kusa, I. (eds.). (2021). *Social and Political Transformations in the Middle East and Northern Africa Region*. *The Ideology and Politics Journal*, 3(19), <https://www.ideopol.org/category/archive/page/5/>.

Объясняя революционную дисфункцию

Несколько факторов способствуют современному кризису революционной трансформации. «Третья волна автократизации», выявленная политическими учеными, представляет один решающий элемент. Современные авторитарные режимы извлекли уроки из предыдущих революционных успехов и развили сложные стратегии для управления народным несогласием. Они предлагают ограниченные уступки для разрядки «социального негатива», используют целенаправленные репрессии против ключевых организаторов, манипулируют медийными нарративами для делегитимации протестующих и эксплуатируют разделения внутри оппозиционных движений.

Более фундаментально, великие нарративы, которые ранее давали революционным движениям их утопическую энергию, потеряли большую часть своей мобилизующей силы. Либеральная демократия, когда-то представляемая как конечная точка политического развития, теперь кажется неспособной справляться с современными вызовами — от изменения климата до экономического неравенства и технологических сбоев. Социализм, несмотря на возобновившийся интерес среди молодых поколений, лишен систематической теоретической структуры и институциональных моделей, которые когда-то представляли его неизбежным. Этнонационализм продолжает мобилизовать население, но обычно в защиту существующих систем и кланов, а не их трансформации в этнотопии.

Глобальная интеграция экономических, медийных и политических систем также ограничивает революционную возможность трансформации. Успешные революции исторически опирались на свою способность изолировать революционные территории от внешнего вмешательства, пока они создавали новые институты. Современные движения сталкиваются с немедленным давлением глобальных рынков, международным медийным контролем и вмешательством иностранных держав. Бегство капитала может дестабилизировать революционные правительства за дни; социальные медиа позволяют внешним акторам формировать внутренние нарративы в реальном времени; международное право и институты ограничивают политические опции, доступные новым режимам.

Возможно, наиболее важно то, что социальные условия, которые исторически делали возможной революционную трансформацию, могут исчезать. Классические революции обычно возникали в моменты острого кризиса, когда существующие институты теряли легитимность, а альтернативные устройства становились как необходимыми, так и возможными. Современные общества, несмотря на свои многочисленные проблемы, поддерживают достаточную функциональность, чтобы предотвратить полное разрушение, которое исторически предшествовало революционным изменениям. Даже глубоко непопулярные режимы сохраняют

достаточную принуждающую способность и легитимность, чтобы пережить продолжительный и поистине массовый народный протест.

К постреволюционному будущему

Последствия революционной дисфункции распространяются за пределы неудачи отдельных движений на более широкие вопросы о природе и траектории самого модерна. Если революции больше не функционируют как «локомотивы истории» — что сформулировал когда-то Маркс — то модерн как историческая эпоха может приближаться к своему завершению.

Эту возможность не следует путать с постмодерностью в культурном смысле — празднованием фрагментации, применением иронии, кастрации фаллоготризма и отвержения великих нарративов. Скорее, мы можем быть свидетелями возникновения подлинно после-модерного состояния: исторической ситуации, в которой фундаментальные предположения модерна — возможность рациональной социальной реконструкции, неизбежность прогресса, способность человеческого воображения воли формировать историческое развитие — больше не действуют.

Такой переход не обязательно представлял бы катастрофу. Достижения модерна неоднозначны. Его революции произвели не только политическую демократию и права человека, но также тоталитарные режимы, ответственные за беспрецедентное насилие. Его утопическое воображение породило как вдохновение для справедливости, так и оправдание для порабощения. Его вера в прогресс сделала возможными замечательные достижения, часто игнорируя их человеческие и экологические издержки.

Постреволюционное будущее могло бы включать различные формы политических изменений: постепенную институциональную эволюцию, а не драматический разрыв, локальные или секторальные эксперименты, а не универсальную трансформацию, прагматическое решение проблем, а не идеологическую приверженность. И конечно же полную управляемость населения с помощью инструментов менеджмента человеческого внимания. Такие изменения лишились бы драмы и вдохновения революции, но они могли бы оказаться более устойчивыми и менее склонными к непредвиденным последствиям.

Однако утрата революционной возможности к изменениям также представляет подлинную трагедию. Революции исторически служили моментами, когда обычные люди могли превзойти свои нормальные роли и участвовать непосредственно в формировании своего коллективного будущего. Они предоставляли возможности для обществ исправления фундаментальных несправедливостей и перестроить себя согласно принципам, кажущимся более разумными и справедливыми. Без трансформационного потенциала революции, ведомой утопическим потенциалом, политическая жизнь может

стать все более технократической, с гражданами, сведенными к потребителям услуг, эффективно управляемых профессиональными политиками и бюрократами.

Парадокс устойчивого утопического воображения

Возможно, самый удивительный аспект нашей нынешней ситуации — это устойчивость утопического воображения, несмотря на симптоматичную неудачу революционной трансформации. Люди продолжают представлять альтернативные устройства, собираться в общественных пространствах, рисковать своей безопасностью ради политических целей. Энергия утопии остается, даже когда механизмы для перевода ее в продолжительные изменения разрушены.

Этот парадокс предполагает несколько возможностей. Революционная дисфункция может представлять временное состояние, а не постоянный исторический сдвиг. Могут появиться новые формы революционной организации и стратегии, которые преодолеют нынешние препятствия. Иначе утопическое воображение может находить выражение через неревolutionные каналы: технологические инновации, культурную трансформацию, экономические эксперименты или постепенные институциональные изменения.

Существует также возможность того, что мы являемся свидетелями возникновения совершенно новых форм трансформации, которые не соответствуют классическим революционным паттернам. Современные движения часто подчеркивают большую важность процесса, чем результата, разведки, чем победы, сетевой организации, чем иерархического лидерства. Они могут развивать способы изменения, которые менее видимы, но в конечном счете более прочны, чем традиционная революционная трансформация.

Заключение: Жизнь в межвременье

Мы обитаем в том времени, что можно назвать «интервалом», межвременьем — историческом моменте, подвешенном между истощением старых форм и возникновением новых. Революционная вера, которая воодушевляла модерн в течение веков, кажется, умирает, но ничто не возникло, чтобы заменить ее как механизм фундаментальной политической трансформации. Эта ситуация порождает как тревогу, так и надежду.

Тревога проистекает из нашей очевидной неспособности обращаться к неотложным коллективным вызовам через существующие политические механизмы. Изменение климата, глобальное неравенство, технологические сбои и другие системные проблемы, кажется, требуют того вида

всеобъемлющего социального изменения, которое исторически предоставляли только революции. Без революционной возможности эти проблемы могут оказаться неразрешимыми, ведущими к постепенному цивилизационному упадку человечества или внезапному коллапсу отдельных обществ.

Однако это межвременье также предлагает возможность переосмысления самой политической трансформации. Если классическая революция больше не функционирует, возможно, мы можем развить ее альтернативы. Они могли бы опираться на вдохновляющую силу революции, избегая ее тенденции к насилию и тотализации. Они могли бы комбинировать утопическое воображение с прагматическими экспериментами, демократическое участие с институциональной непрерывностью, локальную инициативу с глобальной координацией.

Мифологическая сила революции, вероятно, сохранится независимо от ее практической жизнеспособности. Американцы будут продолжать ссылаться на свою Революцию, французские граждане будут упоминать 1789 год, а новые движения будут принимать революционные символы и риторику, даже фиктивно. Эти мифы обеспечивают смысл и вдохновение, даже когда они больше не соответствуют достижимым реалиям.

Вызов, стоящий перед современной политической мыслью, состоит в развитии структур для понимания и обеспечения политической трансформации, которые признают как продолжающуюся привлекательность революционного воображения, так и изменяющиеся условия, которые ограничивают его реализацию. Это потребует ни ностальгической привязанности к устаревшим моделям, ни циничного отказа от трансформационных устремлений, но творческого синтеза, который почитает прошлое, оставаясь открытым беспрецедентным будущим.

Мы действительно можем быть свидетелями последних революций в классическом смысле — финальных попыток достичь всеобъемлющей социальной трансформации через драматическую массовую мобилизацию и институциональный разрыв. Если это так, то симптом революционного бессилия знаменует не просто конец отдельных политических стратегий, но заключение определяющего предположения модерна: что человечество может сознательно направлять историческое развитие через коллективное действие, руководствуемое рациональными принципами.

То, что возникает из этого заключения, еще предстоит увидеть. Это, вероятно, сохранит элементы как утопического воображения, так и политического творчества, выражая их через формы, которые мы еще не можем полностью предвидеть. Интервал, в котором мы живем, может оказаться кратким — паузой между революционными эпохами — или он может растянуться в новую историческую эру, характеризуемую различными предположениями о возможностях и ограничениях политической трансформации.

В любом случае мы должны научиться творчески обитать в этой неопределенности, поддерживая надежду без иллюзий, приверженность без фанатизма и видение без гарантии того, что наши видения могут быть реализованы через знакомые средства. Эпоха классических революций может заканчиваться, но человеческое стремление к справедливости и трансформации, которое выражала революция, несомненно найдет новые формы выражения. Наша задача — оставаться внимательными к этим возникающим возможностям, честно признавая уход форм, которые, какими бы ни были их ограничения, предоставляли предыдущим поколениям как вдохновение, так и практические средства для переделки своего мира и мудрость для уменьшения вреда от тотализирующих последствий радикальных практик.

История модерна с революцией как его локомотивом может действительно приближаться к своему концу. Но история не заканчивается — она тоже трансформируется. То, что возникает из завершения модерна, вероятно, удивит нас так же, как сам модерн удивил тех, кто был свидетелем его рождения из руин средневековой определенности и традиционной предсказуемости. В этом удивлении может лежать наше спасение — или, по крайней мере, следующая глава истории человечества.

Мы стоим в конце длинного коридора истории, где эхо революционных маршей все еще отдается в ушах, но впереди открывается неизведанная территория. Возможно, самое мудрое, что мы можем сделать, — это научиться слышать вокал новых времен, который еще только набирает силу тишине между эпохами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anderson, L. (2011). Demystifying the Arab spring: Parsing the differences between Tunisia, Egypt, and Libya. *Foreign Affairs*, 90(3), 2-7.
- Arendt, H. (1963). *On revolution*. Viking Press.
- Arendt, H. (1951/1973). *The origins of totalitarianism*. Harcourt Brace Jovanovich.
- de las Casas, B. (1552/1992). *A short account of the destruction of the Indies*. Penguin Classics.
- Harvey, D. (2000). *Spaces of hope*. University of California Press.
- Hegel, G. W. F. (1821/1991). *Elements of the philosophy of right*. Cambridge University Press.
- Issaev, L. & Kusa, I. (eds.). (2021). Social and Political Transformations in the Middle East and Northern Africa Region. *The Ideology and Politics Journal*, 3(19), <https://www.ideopol.org/category/archive/page/5/>.
- Luther, M. (1517/1957). *The ninety-five theses*. In *Luther's works* (Vol. 31, pp. 25-33). Fortress Press.

- Marx, K., & Engels, F. (1845/1846). Die deutsche Ideologie. In *Marx-Engels Werke* (Bd. 3). Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K. (1852/1978). The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In R. C. Tucker (Ed.), *The Marx-Engels reader* (2nd ed., pp. 594-617). Norton.
- Marx, K., & Engels, F. (1848/1978). Manifesto of the Communist Party. In R. C. Tucker (Ed.), *The Marx-Engels reader* (2nd ed., pp. 469-500). Norton.
- More, T. (1516/2002). *Utopia*. Cambridge University Press.
- Tilly, C. (1978). *From mobilization to revolution*. Addison-Wesley.
- Vespucci, A. (1503-1504/1992). *Letters from a new world: Amerigo Vespucci's discovery of America*. Marsilio Publishers.
- Минаков, М. (2019). *Диалектика современности в Восточной Европе*. Киев: Лаурус.